

PA K11224556

ee

Сергей ОРЛОВ

ТРЕТЬЯ

СКОРОСТЬ

Ленинград
1946

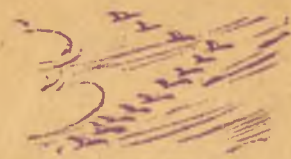
Лете Буркову
старому другу, из тех
чь лучше новых зрелищ,
эт души с любовью

Сергея Орлов
18 декабря 46

Ке от том ли лет летам с тобой
в юности в наших лесах
древнем городке, друг

Сергей Орлов

ТРЕТЬЯ СКОРОСТЬ

СТИХИ

К 1224556

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Лениздат
1946

*Оформление книги
художника Н. Н. Седикова*

I

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...

Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдёт в века, переживёт века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

Октябрь, 1945

* * *

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова,
И задохнётся от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не видавший горя и печали,
Огнём не прокалённый, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поёт свинец,

Как дымом пахнет всё стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

2

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чём.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашёл в воронке под огнём.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

Май, 1945

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

Июнь, 1944

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина —
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепёке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас всё же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

Июль, 1943

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.
Стало чёрным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли,
И ушли туда, где танки ждали.

Июль, 1944

Памяги товарищей, погибших
под Карбуселью

КАРБУСЕЛЬ

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звёзды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли чёрную грудь земли.

Из таёжной Сибири, из дальних земель
Их послал в этой край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в сёлах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Краснобурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им ещё б жить да жить!..

Прогремели орудия слово своё.
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до неё...
— Завтра мы возьмём Карбусель!

Март, 1943

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опалённого Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля,

Громякая тяжкою бронёю,
Будто рыцари седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

Февраль, 1944

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

1

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать, но сразу
Он лёг за рыжеватым бугорком
И бил из пулемёта без отказа...

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидал, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый...

2

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.

Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...
Её зовут торжественно мостом
Строители суровые по праву...

Да, не легко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где «ЗИС» едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

Ноябрь, 1943

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след,
Как тропка через лес...
Зенитки самолёту вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой.
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денёчек фронтовой.

Июль, 1943

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1948 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны ветреные, на
Весь приозёрный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнём, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес развёрзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожжённая до тла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

Апрель, 1943

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе её переложили —
Песенку, в которой моряки
В море кочегара хоронили.
А у нас ни моря, ни реки...
Нету кочегара, но механик
Рычагов не в силах удержать.
От него напрасно ждёт в Рязани
Писем озабоченная мать...
Песню мы певали вечерами —
На рассвете снова жаркий бой.
Знали мы: кого-то между нами
Ждёт напрасно мать к себе домой.
Потому и пелось нам особо:
Может, про себя её поёшь,
Может быть, в брезентик, вместо
гроба,
Друга завтра в полдень
завернёшь...

Но хотелось очень, чтобы стало
Всё не так, чтоб мать старушка нас
Всё-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

Май, 1943

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живём всю
жизнь,

И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят
от вска,

И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжём,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернёмся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.

Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе...

Январь, 1944

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот уж немцы наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встаёт, грозя.

А мы встаём несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

Октябрь, 1945

* * *

Есть на Шексне далёкой
Просторная изба,
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерётся батальон...

Идут тридцатьчетвёрки,
Сквозь синеватый дым.
Орудия с пригорка
Плюют огнём по ним...

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,

Когда кричат ребята
Водителю: «Дави!»

Он всё сомнёт и вспашет,
И скажет в микрофон:
«Порядок в части нашей
Повсюду быть должён».

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке всё. Серёжа,
Твой сын...». Всего семь слов.

А на привале ночью
Как вспомнит, загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далёкие пути,

Старушку, мать родную,
Зелёную Шексну,
Берёзку золотую,
Родную сторону...

Ой, не легка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне!

Лежит перед солдатом
На запад горевой
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трёхсотый бой.

Он всё пройдёт: сквозь воды,
Огни, сквозь всю войну,
Вернётся из похода
На светлую Шексну.

Август, 1943

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

Май, 1943

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолей, земля —
На миллион веков.
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжёлые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Июнь, 1944

* * *

Жить от атаки до атаки,
Мечтать о письмах и тепле,
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей вселенной
И яства, и садов плоды!

Апрель, 1945

II

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да берёзку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают,

Расцветёт, где лягу я,
Цвет-берёзка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокую?

Ноябрь, 1943

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день,
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

Глядит на поезд без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах её — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь во след своим сынам?

Сентябрь, 1942

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожжённой
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли...

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъёмах,
Дрожит, покачиваясь, лес...
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из звонкой меди отлиты!

Июнь, 1944

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесём с тобой:
Мы люди, а она стальная...

Июль, 1944

Матери, Екатерине Яковлевне

* * *

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнём.
Может, этих карт согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонёк забрежит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,

Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни тёмной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

Сентябрь, 1943

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далёкий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонёк.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
— Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе, как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...

Январь, 194

КОСТЁР

В перелеске давно рассвело,
Мы костёр разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть,
И танкист задремал над огнём,
Улыбаясь устало чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора.

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка, как песня в дому, —
Та, в которую парень влюблён...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнём
Паренёк, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушёл от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

Февраль, 1943

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поёт
Застольную баском,
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.

Из Англии в края войны
Пришла печаль сюда...
Поёт сынам чужой страны,
И скорбна и горда...

Поёт подряд, который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...».

Шипит и молкнет чёрный диск,
Гремит война вокруг.

За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..».

Декабрь, 1943

КОНЦЕРТ В ЛЕСУ

Нам давали концерт на поляне в лесу.
Пела скрипка про чью-то чужую красу,
В длинном платье певица, как будто
в Москве,
Пела песню о друге, о женской тоске.

В песне были война и большая любовь.
Поднимала певица крылатую бровь,
И смотрела за лес, и, казалось нам,
Видит женщина друга любимого там.

Видно, был у певицы, действительно, друг,
Тоже в серой шинели, как парни вокруг.
Он на фронте, должно быть, как мы, воевал
И о женщине этой в лесах тосковал...

Так и мы на поляне в осеннем лесу
Разом вспомнили милых родную красу,

И казалось каждому: это она
На поляне тоскует — невеста, жена.

И хотели солдатские наши сердца
Слушать грустную, нежную песнь без конца!

Июль, 1944

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись

Через свист и вой снарядов,
Через вёрст несчётных тьму.
В песне той живёт отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отrade
Нету ходу никому...

Вот пойдём, прорвём блокаду,
Путь откроем в город наш,
Закачусь к своей отrade
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поёт, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

Февраль, 1943

Пусть вокруг нам земного шара
Предстоит обойти... Пройдем!
Ведь поётся в песне не даром
О хорошей встрече потом...

Август, 1944

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву,
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зелёной и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то ещё ухали снаряды,
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зелёных трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонёк,

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий, на век моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

Июль, 1943

* * *

У той берёзки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрётся сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришёл сюда, и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живёт...
И лишь стрела на сердце стёрлась...

Август, 1945

ДРУЖБА

Её начало — в танке тесном,
Где всё делилось пополам,
Как чёрный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освящённой алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

Январь, 1944

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживём, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

Февраль, 1942

III

БЕЛОЗЕРЬЕ

1

Здесь ели, словно колокольни,
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,

Над озером плывут туманы,
Плывёт протяжный шум тресты,
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

2

На городском валу заплачу
И ветром слёзы осушу,
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропшу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

Июнь, 1945

Ивану Бузину

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса,
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный

«Шолонник».

В мокрое упёрся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню,
Только не догнать нас, всё равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донёсся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий
властно.

Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуёю,
Крыты избы ковжских рыбаков,
Будут там нас потчевать ухой,
Сладкой жарениной из снетков.

Май, 1945

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи,
Чернобуры на заре.

Ели, словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встаёт над полем
Рыжим филином луна.

Пенье вёсел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

Март, 1946

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся лёгкие берёзы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

Декабрь, 1939

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьёт, никак не напьётся,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

Сентябрь, 1944

* * *

Через края сосновых станций,
Спокойных рек, седых берёз
Невидимую нить пространства
Мотал локтями паровоз,

Чтоб на безвестном перегоне,
Где дали синие легки,
Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.

Ноябрь, 1942

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень,
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнёт.

Август, 1939

Облако за месяц зацепилось.
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто, захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить цыгарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполючных планет
И ещё того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

Май, 1945

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний ветер оглушён,
Отчалят чалки, примуг сходни,
И пароход уйдёт в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять,
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнёт щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

Декабрь, 1945

З И М А

Мир накренился, прям и светел,
Едва заметен поворот,
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.
Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шуга.
И, тронув дымчатым прибоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.
И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на чёрные поля.
Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса,
И уведут надолго лыжни
Меня в гаушковские леса.

Ноябрь, 1945

В МЕТЕЛЬ

Зима несёт в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлёстывают окна.

Несёт избу в далёкие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на берёзовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо, словно парус, в самом деле.

А на столе весёлый самовар
От счастья скалит золотые зубы
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светлорусым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою, как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна.
Мы в полночь непробудную плывём
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой, за деревней.
За тридевять земель сбежал Кашей —
Нам песни петь, мёд-пиво пить
с царевой.

Декабрь, 1945

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в Египетскую область
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далёком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им всё время север сниться,
Светлые от звёзд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лёд,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полёт.

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
Крыжим поймам, к тоненьким берёзам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовёт к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей...

Сентябрь, 1945

IV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Было утро, шумели травами
Сенокосы в лесах глухих,
Да за дымчатой переправой
Перекрикивались петухи,
Да берёзки ствол забинтованный,
Над рекой наклонясь, белел...
Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.

Матери, Екатерине Яковлевне

* * *

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шёл навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел, —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.

Пусть ни слёз, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушёл ещё тот пароход,
Он разлуку с собой заберёт.

Июнь, 1944

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесётся эшелон,
В золотых лесах по поясу,
Фонарём мигнёт вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовёт...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счёт ведёт,

Смотрит в окна долгим взором.
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Машут парню по лесам.

1943--1945

Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

Июнь, 1944

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди,
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Август, 1945

* * *

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренёк из армии вернётся.

В танке он прошёл такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные панёнки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Всё ж придётся выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поётся:
Не найти её по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он её увидит непременно.

В Белозерске, может быть,
иль в Вашках
Пароходы вечером встречает —
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

Июнь. 1945

ВИНО

В подвале каменном вино
Лежало много лет.
В великий день извлечено
Оно было на свет.
В тот день на свете мир настал
После жестоких войн.
Уж, видно, виноградарь знал,
Что будет день такой.
Он выстоял своё вино,
Каким лишь только мог,
И победителей оно
Валило наземь с ног.
Смеялся за столом солдат,
Вином и счастьем пьян:
— Не мог свалить меня снаряд,
А валит с ног стакан!

Сентябрь, 1945

СОДЕРЖАНИЕ

I

А мы такую книгу прочитали	3
Руками, огрубевшими от стали	5
Идут солдаты	7
Перед наступлением	8
Поутру, по огненному знаку	9
Карбусель	10
Танки в Новгороде	12
Стихи о переправе	13
Кузнечики стучат в траве	15
Это было 19 марта 1943 года	16
Песня о кочегаре	18
Прощанье с землянкой	20
Атака на рассвете	22
Есть на Шексне далекой	23
Пыль	26
Его зарыли в шар земной	27
Жить от атаки до атаки	28

